

Т. Ю. ЯШАЕВА

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКАЯ ПЕЩЕРНАЯ ЛАВРА ХЕРСОНА

Общеизвестно значение средневекового Херсона как крупного христианского центра в Таврике. На его территории открыто более 60 храмов, которые систематически и всесторонне изучаются на протяжении уже многих десятков лет. В то же время такая важная микроструктура византийского общества, как монастыри, до недавнего времени оставалась вне поля зрения исследователей Херсона. В процессе раскопок херсонского предместья на ГераклеЙском полуострове в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. выявлено несколько монастырских комплексов, одному из которых посвящена настоящая статья [1, с. 72-82; 2, с. 146-151; 3, с. 282-285].

Пещерный комплекс находится в Сарандинакиной балке, пролегающей в центральной части ГераклеЙского полуострова (рис. 1; 2). Балка впадает в Южную бухту, ее общая протяженность около 6 км, дно имеет плодородную почву и обильные природные источники воды. Памятник локализован в каменистом западном склоне балки, почти напротив ее восточного ответвления – Хомутовой балки, на высоте около 32 м над уровнем дна (рис. 2). Его местонахождение было хорошо известно еще в 20-е гг. XX в.: краткое описание пещерного комплекса, схематичный план, зарисовки, фотографии даны в материалах Севастопольского музея краеведения, в дневниках и записях В.П.Бабенчикова, Е.В.Веймарна, Л.В.Моисеева [4, д. 1389; 5, д. 1405].

В 1994-1996 гг. раскопки памятника проводила экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством автора¹. Как показали

¹ Приношу глубокую благодарность профессору Д.В. Деопику и студентам ПСТБИ за помощь в раскопках пещерного комплекса, а также коллегам, принимавшим участие в архитектурных обмерах памятника и чертежных работах: И.Б.Гусаковой, Н.В.Чуркановой, Н.Н.Алферову, Т.А.Бобровскому, В.А.Рубцову, В.В.Дорошко.

исследования, планировка монастыря в большой степени была продиктована условиями горно-балочного рельефа. Пещеры располагались в три яруса. Помещения среднего яруса вырублены с трех сторон внутреннего двора по периметру большого естественного грота, обрывавшегося на юго-востоке в балку (рис. 3; 4; 5). Размеры грота по центральным осям – 23x18 м; он полностью перекрывался скальным сводом, по верхней поверхности которого проходила ветка керамического водопровода, проложенного еще в античную эпоху [6, с. 72]. После обвала свода, произошедшего уже в поствизантийский период, обрушился и водопровод. Во время раскопок грота в верхних слоях обнаружены многочисленные фрагменты гладких и рифленых стенок керамических труб. В 40-х гг. XIX в. для восстановления водопроводной линии по продольной оси грота была возведена мощная многоступенчатая подпорная стена из бута, полностью перекрывшая внутренний двор и еще более усугубившая процесс разрушения памятника. Несмотря на то, что сохранность комплекса к началу раскопок была очень плохая, в его структуре удалось выделить три блока: литургический, погребально-мемориальный и хозяйственный.

Литургический блок представлен храмом, имевшим трехчастную планировку: алтарная часть, наос, нартекс (рис. 3, 1а, 1б, 1с; 4). Храм был расположен с юго-западной стороны внутреннего двора. От других пещерных церквей Таврики его отличают различная ориентация алтаря и наоса и широкое использование в архитектурном оформлении цилиндрических сводов и ниш.

Алтарная часть, ориентированная строго по оси запад–восток, состояла из апсиды и бемы² (рис. 3, 1а). При сооружении храма она, вероятно, была полностью вырублена в скале. К настоящему времени ее большая часть разрушена, но остатки некоторых литургических устройств сохранились.

Апсида, полукруглая в плане, имела конхиальный свод, от которого после обрушения осталась лишь верхняя треть с юго-восточной стороны (рис. 4, а; 7). По нашей реконструкции, стрела подъема свода была 2 м, ширина пролета – 1,8 м.

На линии хорды апсиды выявлена нижняя часть каменного престола (рис. 3, 1а; 4, а; 6). Она представляла собой обработанную материковую скалу в виде слегка уплощенного в основании усеченного конуса (сохранившаяся высота – 0,6-1 м, основание – 1x0,5 м). Верхняя площадка, округлая в плане (диаметр – 0,5 м), находилась на 0,01 м ниже уровня пола. По Симеону Солунскому, трапеза могла поддерживаться как несколькими столбами, так и одним, «называемым тростью, во образ одного, превосходящего всех, Иисуса» [7, с. 186]. В пещерных храмах Таврики получили распространение одностолпные престолы, к типу которых относится и наш памятник. Несмотря на различную ориентацию алтаря

² Термин «бема» или «вима» употребляется нами в одном из значений, предложенном Л. Г. Хрушковой: «небольшое пространство перед апсидой, которое является частью алтаря» [9, с. 433-434].

и наоса, престол был расположен на линии продольной зрительной оси храма, и при открытии Царских врат в соответствующей части литургии он был хорошо виден стоящим в наосе.

Непосредственно у престола обнаружены остатки овальной в плане ямы, которая предположительно определена как могильная. Яма ориентирована, как и наос, по оси северо-запад–юго-восток; сохранившиеся размеры – 1,0x0,4 м (рис. 3, М-1; 4, а). Ее боковые стенки представляли собой подрубленную материковую скалу, причем с юго-запада это было основание престола; юго-восточная часть не сохранилась; дно – плотный суглинок, залегало на глубине 0,65 м от уровня пола. Яма была заполнена рыхлым переотложенным грунтом, археологического материала и костных останков не выявлено. Можно предположить, что это было погребение епископа, так как, согласно Симеону Солунскому, захоронение в алтаре монастырского храма являлось «привилегией» архиереев, которые должны были быть «полагаемы ближе к жертвеннику» [8, с. 526].

Бема в плане – асимметричная, высотой 2,15-2,2 м, с поперечным коробовым сводом. Этот строительный прием, неоднократно повторявшийся в архитектурном декоре пещерного комплекса, свидетельствует о одновременности его вырубки.

Хорошо сохранился южный участок бемы, где, согласно Симеону Солунскому, должен был располагаться диаконник [7, с. 152]. Размеры южной стены диаконника – 2,2x2,6 м, ее верхняя часть повторяла форму коробового свода (рис. 4, б). К стене примыкало высеченное в материковой скале седалище (0,75x0,2 м, высота – 1,1 м), предназначавшееся для священнослужителя [7, с. 190]. Над седалищем в стене – пазы для крепления полок, где могли стоять богослужебные книги, литургическая посуда, «хлебы, прежде литургии приносимые» и «откуда по мере надобности они берутся» [8, с. 23]. В диаконнике также находились облачения и сосуды с Богоявленной водой, которую «диаконы во всякое время дают кающимся и от причастия отлученным» [8, с. 24]. Для хранения сосуда с агиасмой вполне могла подойти неглубокая, полукруглая в плане ниша в юго-западном углу (0,23x0,35 м, высота – 0,9 м).

Из-за разрушений мы не имеем информации о северной части бемы, где теоретически должен располагаться такой важный архитектурно-литургический элемент христианского храма, как протезис. Можно предположить, что он был значительно больше диаконника, что придавало беме в плане асимметричность. От западной стены сохранился участок размерами 2,1x1,85 м.

Пол алтарной части имел различный характер. У южной стены – это гладко тесанный скальный монолит, на остальных участках – эрозированная материковая скала, неровности которой были заполнены плотно утрамбованным мелким щебнем и грунтом.

Алтарная часть отделялась деревянной преградой, глубокий паз для крепления которой сохранился в юго-западной стене на высоте 1,2 м от пола

(рис. 3; 4,К). Над пазом выявлены подрубки в скале, позволяющие предполагать, что от стены отходила арка, в настоящее время полностью утраченная в результате обвала (рис. 8).

Основная часть храма, в отличие от алтаря, была ориентирована по оси северо-запад–юго-восток. Для ее сооружения юго-западная часть грота была отгорожена каменной стеной (сохранился нижний ряд двухпанцирной кладки, длиной – 5,5 м, толщиной – 0,8-1 м; стена на отдельных участках деформировалась под давлением перекрывшего ее акведука XIX в.) (рис. 12). Подобная смешанная техника в скальной монастырской архитектуре применялась и в других культовых сооружениях Юго-Западной Таврики, например, в церкви № 1 монастыря Чилтер-Мармара и в храмах третьего грота Качи-Кальона [10, с. 31-32, 81-83].

Зал, имевший в плане вытянутую прямоугольную форму, пилястрой разделен на две части: переднюю (юго-восточную) с плоским потолком – наос (рис. 3, 1b) и заднюю (северо-западную) с крестовым сводом – нартекс (рис. 3, 1c). Остановимся на них подробнее.

Наос имел в плане неправильную форму, размеры по центральным осям – 4x2,5 м. Хорошо сохранилась его юго-западная стена, архитектурно оформленная нишами D и E (рис. 3,с; 4,с). В нише D (высота – 2,5 м), расположенной на расстоянии 0,5 м от алтарной преграды, на высоте 0,6 м от пола высечена глубокая ниша h меньшего размера, полукруглая в плане, с полукруглым сводом вверху (высота – 1,4 м, основание – 0,67x0,6 м), западнее вырублена аналогичная ниша z (высота – 1,4 м, основание – 0,7x0,6 м) (рис. 9). Между малыми нишами z и h, являвшимися, очевидно, костницами, сохранилось небольшое углубление со следами копти, предназначавшееся для лампадки, над которым высечены буквы Альфа и заглавная Омега (Альфа – 8x4 м, Омега – 6x4,5 см; ширина букв от 1 до 1,5 см) (рис. 4, S; 10, 1). Учитывая легкую доступность памятника, мы не беремся интерпретировать надпись однозначно, окончательные выводы могут быть сделаны только после выявления полной аналогии. Но все же позволим себе предположить, что это не современные «граффити», так как локализация букв между костницами, на наш взгляд, вряд ли являлась случайной: автору надписи, видимо, было хорошо известно, что надгробия – одно из наиболее типичных мест расположения этого христианского символа [11, с. 45, 89, 147; 12, с. 34-36]. Употребление заглавной Омegi вместо строчной, более традиционной для древних памятников, ее неправильное начертание, разные размеры букв, «наезд» надписи на арку ниши, скорее всего, свидетельствуют, что они, как и другие наскальные изображения, выполнены не профессиональным мастером, а кем-то из рядовой монастырской братии. Сам факт использования раннехристианской символики в поздневизантийское время не является парадоксальным, так как в палеологовский период в восточно-христианском мире в связи с

распространением исихазма наблюдается возрождение раннехристианских традиций, и Херсон в этом смысле не являлся исключением [13, с. 369; 14, с. 322-349; 15, с. 182-185].

К западу от ниши D расположена ниша E с продольным цилиндрическим сводом (1,35x2,8 м). На боковой стене ниши E высечен большой равноконечный крест (рис. 11,3); в ее нижней части – подбой (0,6x0,2 м), уходящий под скальную стену, предположительно, костница.

Нартекс представлял собой небольшое помещение, размерами по центральным осям 1,35x2,5 м. Его юго-западная стена была оформлена в виде высокой ниши F (2,95x1,1 м) с цилиндрическим сводом и двойным карнизом. Ниша E отделена от ниши D пилястрой, выдвинутой вглубь храма на 0,3 м. Вдоль стены, на высоте 0,2 м от пола, сделана скальная скамья (сохранившиеся размеры 1,1x0,2 м), над которой высечены тамгообразные и рунические знаки, вероятно, более позднего времени (рис. 10,2).

Переход к северо-западной торцовой стене нартекса оформлен угловой пилястрой с хорошо выраженными двойными карнизами. На юго-восточном фесе пилястры помещено граффито трехмачтового корабля с парусами и рулем (корпус – 32,5x0,78 см, центральная мачта – 22 см) (рис. 10,3). Подобная конструкция судов с тремя мачтами, средняя из которых выше и толще других, характерна для XIV–XV вв., что позволяет отнести изображение корабля к поздневизантийской эпохе³. Паруса были добавлены уже в наше время, так как на прорисовках, сделанных экспедицией Севастопольского музея краеведения в 1926 г., они еще отсутствовали [4, л. 32]. Второй корабль, высеченный на северо-восточном фесе пилястры – одномачтовый, гораздо меньших размеров: корпус – 13 см (по продольной оси), мачта – 15 см. Наскальные граффиты кораблей известны в ряде поздневизантийских христианских памятников, например, в пещерном храме «Трех всадников» на Эски-Кермене, а также за пределами Таврики в пещерном монастыре Аладжа на территории Болгарии [16, с. 133, рис. 7,в]. Изображения кораблей на стенах храмов связаны с их многогранным символическим значением, согласно которому, корабль выступает как символ спасения души через церковь и символ самой церкви (11, с. 195-201).

Вход в храм находился в торцовой северо-западной стене (рис. 3; 12). Дверной проем, размерами 2,4x0,9 м, оформлен в виде арки (рис. 4,г). В ее левой стене высечен глубокий паз для запора, внизу – углубление для порога; с двух сторон от проема – четырехконечные кресты со слегка удлиненными нижними ветвями (рис. 11,1,4). При зачистке пола у порога найден массивный железный ключ от церковной двери (рис. 13,2).

Пол наоса и нартекса был глинобитный, с небольшим повышением уровня к алтарю. Неровности материковой скалы, как и в алтарной части, были заполнены

³Приношу благодарность Ю. В. Падалке за консультацию.

нивелировочной подсыпкой из мелкого и среднего бута. При зачистке в ней было выявлено несколько фрагментов красноглиняной поливной керамики, появляющейся во второй половине XIII – XIV вв.: фрагмент вертикального бортика миски, покрытый светло-зеленой поливой по белой ангобной подгрунтовке, орнаментированный по внешней стороне наклонной коричневой линией в технике сграффито, расцвеченной бледно-коричневым пятном; два фрагмента монохромного открытого сосуда с желобчатой внутренней поверхностью, с кроющей темно-желтой глазурью; пять фрагментов стенок, покрытых желтой глазурью. Таким образом, археологический материал из нивелировочной подсыпки дает надежную дату основания храма – не ранее середины XIII в.

С северо-запада к храму прилегал внешний притвор – экзонартекс. В плане – это небольшое четырехугольное помещение размерами 2,32x2,8x2,7x2 м, с поперечным цилиндрическим сводом высотой 2,52 м (рис. 3,2; 4,е; 14). Северо-восточная сторона была открыта во внутренний двор. Верх юго-западной стены повторял очертания свода; в нижней части на высоте 0,2 м от пола в стене сделан скальный выступ-скамья размерами 1,8x0,6 м; над скамьей в стене – подбой в виде слабо выраженного полусвода. В западном углу – овальная в плане яма-костница (0,35x0,6 м, глубина – 0,7 м). В северо-западной стене на высоте 0,6 м от пола – широкая полка-скамья (1,8x0,9 м). Размеры и расположение вполне позволяли использовать ее для отпеваний, что согласуется с текстом Симеона Солунского, отмечавшего, что «монахов простых или мирян» отпевали в притворе, в отличие от «настоятельствовавших или освященных», отпевавшихся внутри храма [7, с. 526]. Западнее по периметру грота, на высоте 0,65-0,75 м от пола, вырублены две широкие ниши (1,32x0,6x1,3 м; 1,2x0,4x1,3 м), полукруглые в плане и полукупольные в поперечном разрезе, служившие, вероятно, костницами (рис. 3,3; 4,е). Пазы, сохранившиеся в средней части свода одной из полок, возможно, предназначались для крепления крышки (рис. 4,е).

Таким образом, погребально-мемориальный блок комплекса включал в себя семь костниц, грунтовое погребение и притвор со скамьей для отпеваний. Расположение погребения I ниже уровня пола позволяет видеть в нем «захоронение привилегированного лица», возможно, как отмечалось выше – епископа, а близость костниц h и z к алтарю – предположить их мемориальный характер [9, с. 408-411].

Следующий блок монастырского комплекса, хозяйственный, предусматривал несколько пещерных помещений, расположенных в среднем и нижнем ярусах – большой подвал, винодельню, трапезную, кухню. В центре северо-западной стены грота находилось проходное помещение (6,3x8x6,5x7-м, высота 4 м), через которое можно было попасть в нижний ярус. В помещении выявлены верхние марши двух лестниц с высокими ступенями: лестница 1 очень плохой сохранности – из пяти ступеней, три нижние полностью разрушены, сохранилась на длину 3,5 м,

ширина проема 0,8 м; лестница 2, шириной 1,25 м, сохранилась на длину 2,3 м (9 ступеней). Для второго марша лестницы в скале был вырублен закругленный тоннель с крутой винтообразной лестницей в пятнадцать ступеней; длина тоннеля – 5 м, ширина – 1 м, высота – 1,75 м. Сохранившиеся ступени имеют высоту 0,15-0,2 м, ширину 0,05-0,2 м.

В нижнем ярусе из-за аварийного состояния памятника удалось раскопать только часть подвального помещения 5 размерами 2,5х2,5х3х4,5 м, высотой 2 м (рис. 3,5; 4; 15). Помещение было заполнено влажным натечным суглинком, после удаления которого в северо-западной стене открылся вырубленный дверной проем с арочным верхом (1,25х2 м), в юго-западной стене на высоте 0,75 м от пола – ниша-полка (0,7х0,4 м, высота 0,87 м), в южном конце стены – проход в смежное помещение. Под полкой в западном углу в скальном полу вырублена цистерна с отстойником, облицованная плотным слоем розовой цемянки, (толщина – 1,5-2 см); глубина цистерны – 1,5 м; периметр устья – 1,2х1,18х1,2х1,11 м; дна – 0,4х0,49х0,4х0,55 м; в центре дна был сделан отстойник размерами 0,4х0,4х0,3х0,55 м, глубиной 0,3 м; в юго-западной стене высечен специальный паз для крышки (рис. 3,4; 4; 15-17). Цистерна была заполнена влажным переотложенным грунтом, содержащим невыразительные фрагменты стенок керамических сосудов, кости домашних животных, современный мусор. Предназначалась она, скорее всего, для хранения монастырского вина. Вряд ли был смысл делать большие запасы воды, имея рядом природные источники и действующий водопровод.

Следующее помещение хозяйственного блока расположено в среднем ярусе, его сохранившиеся размеры 3х2 м (рис. 3,6). В северном углу помещения вырублен прямоугольный в плане резервуар; сохранившиеся размеры стенок 2х0,8х1,3 м (юго-восточная стенка полностью разрушена); толщина стенок – 0,2-0,22 м; наибольшая высота – 0,75 м; дно имеет уклон к юго-западу (перепад – 0,2 м). Стенки были облицованы небольшими уплощенными камнями на цемянковом растворе, толстым слоем которого (до 1,5-2,5 см) была также покрыта внутренняя поверхность резервуара; визуально состав раствора идентичен цемянковой обмазке цистерны из нижнего яруса. В северо-восточной стене помещения вырублена полка-ниша со слегка закругленным верхом, высотой 1,2х0,8 м, глубиной 0,5 м. По сторонам ниши высечены два четырехконечных креста (рис. 11,2,5) и пазы для крепления кронштейнов. Расположение резервуара в хозяйственном блоке, его план, размеры, идентичность цемянкового раствора обмазке подвальной цистерны позволяют трактовать его как тарапан, сулоприемник которого находился в южном углу, а помещение в целом, соответственно – как винодельню.

Севернее винодельни расположено помещение 7 размерами 4,6х3,2х3,5х3,4 м, высотой 2,7 м, предположительно определенное нами как трапезная (рис. 3,7;

18). На это указывает скальная скамья, вырубленная вдоль северо-восточной стены – характерный элемент многих пещерных трапезных. Длина скамьи – 4 м, ширина – 0,6 м, высота – 0,4 м; ее восточная половина дополнена каменной кладкой. Скамья предполагала шесть-семь посадочных мест с одной стороны стола. В юго-западной стене вырублены полка-ниша (0,6x0,3x0,6 м) и крест (рис. 11,7). Сохранилась часть дверного проема, соединявшего трапезную с помещением винодельни; справа от проема высечен еще один крест и глубокий паз, возможно, для запора двери (рис. 11,8). В стенах трапезной сделаны ниши-полки разных размеров: в северо-восточной стене – длинная полка (1,87x0,3 м), вероятно, для хранения посуды; в северо-западной стене, к которой был обращен торец стола – две небольшие ниши, возможно, для иконы и лампы. Судя по глубокому вертикальному пазу для дверной коробки, в восточной стене была вторая дверь, соединявшая трапезную с кухней (рис. 3,8). От последней сохранилась вырубленная в скале ниша с арочным верхом (0,9x0,8x0,55 м). На стенках и дне ниши – следы длительного воздействия огня, что в сочетании с расположением и планом позволяет интерпретировать ее как остатки печи. В северной стенке ниши высечены небольшой уступ-полочка и четырехконечный крест (рис. 11,6).

Далее к востоку по периметру грота, на расстоянии 7 м от печи, в скале прослеживаются подтесанные углы и северо-восточная стена помещения 9 (рис. 3,9). На стене вырезаны пять четырехконечных крестов разных размеров и конфигураций: равноконечные и с удлиненной нижней ветвью; с прямыми, расширяющимися и суженными ветвями; с закругленными, прямоугольными и раздвоенными концами (рис. 11,9-13). Изображения крестов присутствуют во всех монастырских помещениях, в общей сложности их насчитывается тринадцать. Все они являются частью интерьера, глубоко прорезаны широкими резцами, достаточно хорошо и четко видны издали, хотя, вместе с тем, многие из них выполнены, как уже отмечалось, далеко не профессионально.

Ниже помещения 9 сохранились вырубленные в скале ступеньки, уходящие за пределы пещерного комплекса (рис. 3,10). Здесь был вход в монастырь, а помещение 9, по всей вероятности, служило привратницей.

В верхнем ярусе комплекса сохранились следы высеченных в скале ступенек, которые вели к небольшому, сильно деформированному помещению 11, а также свод еще одного небольшого обрушившегося помещения 12 (рис. 4,11,12). Судя по размерам верхних сводов, это могли быть одиночные кельи или ризница.

С внешней стороны храма за алтарной апсидой открыта прямоугольная в плане безинвентарная могильная яма 2 (1,58x0,6 м), ориентированная, как и наос, по оси северо-запад–юго-восток. Возможно, на этом участке располагался монастырский некрополь, в настоящее время полностью срезанный при прокладке дороги.

Монастырь погиб в пожаре, следы которого фиксируются на полу храма, в помещениях, на лестнице, ведущей в нижний ярус и в самом подвале. В слое пожара был выявлен датирующий материал, состоявший из фрагментов тарной, хозяйственной и столовой керамики.

Тарная керамика представлена фрагментами амфор с дуговидными ручками, которые в поздневизантийское время поступали из городов Трапезундской империи, являвшейся в этот период основным поставщиком вина в Причерноморье [17, с. 91] (рис. 13,3).

Столовая поливная керамика включает в себя фрагменты красноглиняных мисок и кувшинов различных типов:

1. Кувшины с подглазурной росписью белым ангобом, встречающейся в декоре сосудов в XIII–XV вв. в разных регионах Таврики, в том числе в поздневизантийских кварталах Херсона [18, с. 38, рис. 23; 19, табл. 1,1-3; 2,4-6]:

– археологически целый крупный широкогорлый двуручный кувшин, высотой 30 см, возможно, местного производства (рис. 19,1); морфологически идентичен неполивным двуручным кувшинам из слоя пожара XV в. башни Орта-Куле в Алустане [20, с. 166, рис. 24];

– фрагмент стенки небольшого кувшинчика импортного производства, также орнаментированного продольными полосами ангоба, кроющая глазурь желтая; черепок тонкий, глина светло-коричневая, неравномерного обжига, с примесью песка (рис. 20,9).

2. Керамика, покрытая глазурью с лиловато-коричневыми марганцевыми разводами по светлому фону; встречается на сосудах в слоях XIV–XV вв. Херсона, Мирмекия, Южнобережной Таврики [18, с. 38, табл. 1; 21, с. 181; 22, с. 73]:

– фрагменты красноглиняной миски импортного производства с включениями в тесте мелких частиц шамота и слюды: фрагмент вертикального бортика, внешняя сторона которого покрыта монохромной зеленой поливой; фрагмент придонной части на кольцевом поддоне, на дне – две врезные широкие концентрические окружности коричневого цвета и следы от треножника (рис. 20,3);

– фрагмент округлой в сечении ручки красноглиняного кувшина (рис. 19,18).

3. Фрагмент узкогорлого кувшина с утолщенным венчиком и округлым туловом; горло декорировано геометрическим орнаментом, тулово — сектора-ми растительного и сетчатого орнамента, техника сграффито; кроющая глазурь утрачена в пожаре (рис. 19,20). Близкие морфологические аналогии находит в материалах XIV в. Портового района Херсонеса [19, с. 90].

4. Фрагмент красноглиняного кувшинчика с отогнутым венчиком, покрытым блестящей непрозрачной глазурью, нанесенной на толстый слой белого ангоба (рис. 20,7).

5. Невыразительный фрагмент стенки кувшина с редкими глубокими бороздами, покрывающими сплошь внешнюю поверхность, с глазурью желтовато-зеленого цвета, по декору близок керамике XIV в. из Азака [23, с. 33, рис. 2,3,6] (рис. 19,6).

6. Фрагменты монохромных толстостенных мисок и тарелок с утолщенной придонной частью. Края с горизонтально отогнутыми бортиками (на стенках следы ремонта), кроющая глазурь желто-зеленая с мелкими коричневыми пятнами (рис. 19,11,12,13). По морфологии и декору идентичны мискам из раскопок мангупского дворца второй четверти XV в. [24, с. 118].

7. Керамика с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, выполненных в технике сграффито, имеющая аналогии во многих поздневизантийских центрах [25; 26] (рис. 19; 20).

Столовая неполивная керамика представлена фрагментами кувшинов, преобладающими в процентном соотношении. В общей сложности найдено 380 фрагментов кувшинов (рис. 21,1-6,15-19,21-22,28-30,42-60,66-71).

Кухонная керамика включает в себя коричневоглиняные кухонные горшки с отогнутыми венчиками, плоскими в сечении ручками; некоторые фрагменты декорированы врезными концентрическими линиями (рис. 21,7-10,14,23-25,31-41).

К хозяйственной керамике относятся фрагменты толстых стенок и доньев красноглиняных пифосов (рис. 21,24,25).

Из керамики специального назначения можно выделить сероглиняную крышку, декорированную по краю врезной волнообразной линией, пальцевыми защипами и белым ангобом, находящую аналогии в слое пожара XV в. башни Орта-Куле в Алустане [27, с. 164, рис. 22,2] (рис. 21,20).

Кроме керамических изделий были встречены: железные кованые гвозди, костяная ручка железного ножа (длина – 10,3 см) с гравированным орнаментом, близкая к находкам из поздневизантийских слоев Коринфа [28, pl. 85, № 1411] (рис. 13,1), обломки каменных зернотерок, каменный пестик, оселок, стеатитовый (?) диск в железном окладе (рис. 13,4). Судя по набору керамики, встреченной в слое пожара, пещерный комплекс, как монастырский, перестал функционировать в первой половине XV в.

Хорошо известно, что находки археологического материала при раскопках средневековых пещерных сооружений, как правило, очень редки, так как длительное использование пещер в последующие эпохи приводило к уничтожению предыдущих культурных слоев. Поэтому выявление керамики в нивелировочной подсыпке храма и слое пожара представляется исключительно важным, так как позволяет не только уточнить время основания и гибели комплекса, но и дает дополнительный хронологический репер для датировки других культовых пещерных сооружений поздневизантийской Таврики.

Помимо описанного трехъярусного комплекса в крутых каменистых склонах Сарандинакиной балки сохранился ряд других пещер искусственного происхождения, большинство из которых описано в 20-е гг. XX в. экспедицией Севастопольского музея краеведения [4, д. № 1405, 1389]. Одна из них, расположенная на расстоянии 60 м к юго-западу от основного трехъярусного комплекса, была раскопана автором статьи в 1996 г. [29, д. №3304] (рис. 22; 23). В античный период, вероятно, в первые века н. э. пещера использовалась в качестве склепа. В ее скальном полу были вырублены четыре ямы. Ямы 2 и 3 представляли собой могилы, 1 и 4 – костницы. Все они были заполнены переотложенным грунтом, содержащим наряду со средневековой керамикой современный мусор, костяки отсутствовали. После сооружения поблизости трехъярусного пещерного комплекса склеп был приспособлен под келью, что вполне соответствовало практике восточно-христианского монашества.

Пещерная келья была двухкамерная, но первая, проходная, комната была срезана при террасировании склона в 1995 г., незадолго до начала раскопок. Сохранившаяся часть второго помещения в плане прямоугольной формы, размерами 4,15x2,6x4,1x2,8 м, высотой 2 м. В стенах высечено несколько мелких ниш и подпотолочные пазы; потолок помещения плоский с вырубленным кольцом для подвешивания, вероятно, лампадки. Пол представлял собой подтесанную материковую скалу с глиняной обмазкой; при зачистке на нем были найдены фрагменты керамики конца XIII – XV вв.: бортик красноглиняной черепицы, желобчатая стенка амфоры с дуговидными ручками конца XIV – XV вв., аналогичная амфоре из основного комплекса; фрагменты стенок и ручек простых кувшинов; фрагменты поливных мисок и кувшинов (рис. 24). Почти по центру помещения в полу сохранилась подрубка прямоугольного в плане возвышения с выраженным изголовьем, вероятно, лежанки (1,55x0,8 м). В юго-восточной половине – остатки очага (0,26x0,7 м) со слоем золы толщиной 0,04 м, обогревавшего, вероятно, оба помещения. О жилом характере пещерного помещения свидетельствуют наличие лежанки и очага, многочисленные пазы в стенах, в том числе подпотолочные, ниши-полочки, кольцо для подвешивания лампадки, а также фрагменты бытовой керамики. Археологический материал, выявленный в пещере, синхронен материалу основного комплекса и укладывается в рамки XIII–XV вв. Время использования пещеры в качестве кельи, вероятно, соответствовало времени функционирования трехъярусного монастырского комплекса. О одновременности обоих памятников косвенно свидетельствует идентичность характера рубки ниш в юго-западной стене кельи и трапезной основного монастырского комплекса. В качестве жилья пещера могла использоваться вплоть до XX в., как и многие другие пещерные сооружения Таврики.

Подробное описание и интерпретация остальных пещер балки не входят в задачи настоящей статьи, этому будет посвящена отдельная публикация. Назовем лишь основные из них, зафиксированные экспедицией Севастопольского музея краеведения в 1927 г.: пещерный комплекс «Каранлы-коба» (№ 22), пещерный комплекс «Ены-коба» (№ 26), «Сары-коба» (№ 29); ряд пещер, вырубленных на склонах Делаягардовой балки [4, д. 1389]. Безусловно, пока перечисленные комплексы пещер в Сарандинакиной балке и ее ответвлениях полностью не исследованы, мы не можем сделать окончательные выводы. Однако их локализация в окрестностях храма, внутренняя планировка, высеченные на стенах кресты позволяют предположить, что на определенном этапе, а именно в поздневизантийский период, они составляли единый монастырский комплекс.

На основании собранного материала сделаны некоторые выводы о хозяйственной жизни обитатели. Наличие тарапана и большой цистерны для хранения вина свидетельствуют не только о его потреблении, но и производстве. Виноград монахи возделывали, вероятно, на террасированном склоне балки. Искусственная терраса просматривается непосредственно под пещерным комплексом. По нашим подсчетам монастырская цистерна вмещала приблизительно около тысячи литров вина. Этого количества вполне могло хватить на год до нового урожая винограда. Какую-то часть вина могли обменивать на зерно, хранившееся в пифосах. В пищу употребляли не только цельное зерно, но и выпечку из муки, которую получали посредством каменных зернотерок. Обращает на себя внимание преобладание среди керамики кувшинов и горшков, что, безусловно, не является случайным. Эти два типа сосудов были самыми распространенными в монашеском быту: кувшины были необходимы для воды и вина, горшки – для приготовления и разогрева еды.

Нет никаких данных о занятиях монахами какими-либо ремеслами, например, металлообрабатывающим, косторезным или гончарным. Кувшины, горшки, чаши и прочая простая и глазурованная посуда, вероятно, покупались или обменивались. Таким образом, совершенно очевидно, что хозяйственная деятельность монахов не имела особо широкого размаха и диктовалась, в основном, насущными нуждами. Исходя из вышеизложенного, попытаемся определить уклад монашеского сообщества, обосновавшегося в Сарандинакиной балке, что представляется одной из принципиальных задач исторической реконструкции средневекового монастыря.

Как известно, уже во времена Антония Великого в восточно-христианском мире сформировалось два основных типа пустынножительства: отшельнический и общежительный. Оба этих пути имели как очевидные преимущества, так и определенные духовные опасности [30, с. 301]. Неслучайно скоро зарождается третий тип – лавры, как средний путь между строгим отшельничеством и строгим общежитием [31, с. 6]. Внутренняя организация монашеской жизни в лаврах

менялась в разные эпохи, что до сих пор, по мнению исследователей, не получило удовлетворительного объяснения в научной литературе [32, с. 262-273]. Действительно, ранневизантийская лавра Саввы Освященного, Великая Лавра Афанасия средневизантийского времени и лавры поздневизантийские во многом отличались друг от друга [34, с. 57-122; 33, ч. II, с. 6, 145]. В определенной степени это, видимо, было связано с историческим контекстом, в котором они формировались. В XI в., в условиях крайней неустроенности монашеского быта и постоянной внешней опасности, Афанасий организовал по сути киновию, хотя она и называлась лаврой [33, ч. II, с. 6-58]. XIV-й век ставил иные задачи, наполнившие понятие «лавра» новым содержанием. В это время, в связи с распространением в восточно-христианском мире паламизма, «в странах Восточной Европы развернулось движение за так называемый идеоритм, т.е. официальную индивидуализацию монашеской жизни, которую киновия предоставить, конечно, не могла» и повсеместно происходила реорганизация киновий в лавры [35, с. 54; 36, с. 324-325]. Последние вполне отвечали духу нового времени: с одной стороны, они давали взаимную поддержку монашеству «в условиях дестабилизации и усиления в середине столетия атак на исихазм» [37, с. 157], а с другой – не препятствовали внутренней молитвенной сосредоточенности. Само их расположение в уединенных, часто труднодоступных местах, идеоритмическая внутренняя организация как нельзя лучше располагали к исихастской практике «умного деланья». Широкое распространение лаврского уклада в то же время не исключало другие формы монашеских сообществ. Известно, что Григорий Палама сам время от времени жил в больших общежительных монастырях и даже критиковал «чрезмерный исихазм», особенно когда он вел к пренебрежению литургической жизнью [30, с. 301].

Все эти процессы нашли свое отражение и в монастырях поздневизантийской Таврики, что представляется вполне закономерным. Вспомним замечание Феодора Студита, ставшее уже хрестоматийным, о несоблюдении крымскими монахами общежительного уклада Василия Великого еще в IX в. [38, с. 453-454]. Надо полагать, что по указанным выше причинам он тем более не мог быть популярным здесь в XIV в. Согласно данным археологических исследований, небольшие келлии и исихастерии – пещеры «безмолвников», существовавшие вокруг Херсона в разных районах Гераклеийского полуострова, в поздневизантийский период объединяются в лавры [39, с. 94]. Внутренняя организация пещерного комплекса в Сарандинакиной балке имеет все признаки лаврского уклада [40, р. 519]. Здесь мы видим единый центр, включавший храм, трапезную, кухню, хозяйственный подвал, винодавильню, в котором в воскресные дни и праздники монахи могли собираться для участия в общем богослужении и трапезе, а также получать у игумена продукты и материалы для труда на следующую неделю; пещеры-исихастерии, включенные в структуру лавры, были

О проникновении идей исихазма в Херсон и его округу имеется ряд косвенных свидетельств. Наиболее существенным представляется тот факт, что один из херсонских епископов – Кирилл – был паламитом. Он поставил свою подпись под Паламитским томосом от 1351 г. (как и ранее, в 1347 г., митрополиты Готии и Сутдей Петр и Евсевий). Немаловажны торговые и паломнические связи Херсона, существовавшие в XIV в. с такими центрами, как Фессалоника, где епископом был Григорий Палама, и Константинополь – место пребывания вселенского патриарха Филофея, ученика и друга Паламы, «руководителя монашеского возрождения» [30, с. 308; 41, с. 40]. Наконеч, в XIV в. духовным и интеллектуальным центром всего православного монашества, частью которого являлись и херсонские монахи, был исихастский Афон [30, с. 301], безусловный авторитет которого подвигал пустынников к аскезе безмолвия.

И в заключение попытаемся определить приблизительное число насельников херсонской лавры. При отсутствии актов, уставов и прочих письменных источников это представляет сложность, так как количество пещерных келий или мест за трапезным столом не всегда могут быть объективными критериями в таких подсчетах. Во-первых, в условиях разрозненности келий по склонам балки далеко не все из них сохранились. Во-вторых, не всегда возможно правильно определить функциональное назначение даже «доживших» до нашего времени пещерных помещений, так как активное использование их в «постмонастырский» период значительно искажало первоначальный облик. Наконеч, как следует из житийных текстов, некоторые особо ровностные подвижники могли вообще не жить в кельях. Так, например, пр. Максим Кавсокаливит (XIV в.), подвизавшийся в Лавре св. Анастасия, не имел кельи, а ночь проводил «в бдении в церковном притворе» [33, с. 36]. Размер стола в трапезной, к которому часто апеллируют исследователи, может дать относительно точное число насельников лишь для кинувий, согласно уставу которых, все монахи должны были собираться на общую трапезу [42, с. 270]. Для лавры размеры стола указывают лишь минимальное число братии. Так, если стол трапезной в сарандинакинском монастыре был рассчитан на 10-12 мест, это означает только, что здесь было не менее 10-12 монахов. Византийские монастыри вообще не отличались многочисленностью. Как отмечают исследователи, дошедшие до нас сведения греческих и латинских авторов о численности монастырской братии часто оказываются завышенными [35, с. 51]. Согласно известной XIV новелле Льва VI, в монастыре должно было быть не менее трех монахов, и, по мнению А. П. Кайдана, «видимо, немало обителей приближалось к этой минимальной цифре» [35, с. 51]. Вряд ли количество насельников в отдельных пещерных монастырях Таврики достигало полусотни, если даже в одной из крупнейших афонских обителей – Лавре св.

Афанасия – к XI в. их насчитывалось всего 120 [42, с. 199]. Наибольшее распространение в Византии получили монастыри с численностью от 10 до 20 иноков [37, с. 156], к которым можно отнести и загородную лавру Херсона в Сарандинакиной балке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яшаева Т. Ю. Пещерный комплекс в округе Херсона // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
2. Яшаева Т. Ю. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
3. Яшаева Т. Ю. Раскопки пещерного монастыря в Сарандинакиной балке // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь, 1997.
4. Материалы Севастопольского музея краеведения за 1924–28 гг. // Архив НЗХТ. Д. 1389.1
5. Бабенчиков В. П. Полевая книжка // Архив НЗХТ. Д. 1405.
6. Ковалевская Л. А., Седикова Л. В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
7. Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалонникийского // Писания св. отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1856.
8. Архиепископ Вениамин. Новая скрижаль. Т. 2. М., 1992.
9. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.
10. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
11. Уваров А. С. Христианская символика. М.; СПб. 2001.
12. Dorothea Forstner OSB. Die Welt der christlichen Symbole. Innsbruck; Wien; Munchen, 1977.
13. Залеская В. Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. 1993. 4.
14. Киприан архм. (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.
15. Яшаева Т. Ю. Раннехристианская символика в поздневизантийском загородном монастыре Херсонеса // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Севастополь; Краков, 2001.
16. Атанасов Г., Чешмеджиев Д. Средновековният скален манастир до Варна (Аладжа Манастир) // Известия на народный музей. Варна, 1990. № 26 (41).
17. Волков И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
18. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук И. А. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
19. Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург, 2003.

20. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
21. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. 1952. Вып. 25.
22. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (По материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
23. Белинский И. В., Масловский А. Н. Импортная поливная керамика Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
24. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1969. Вып. 6.
25. *Paranicola-Bakirtzi D.* Byzantine glazed ceramics. Athens, 1999.
26. Романчук А. И., Перевозчиков В. И. Глазурованная керамика из Азова. // АДСВ. Симферополь, 1990. Вып. 25.
27. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
28. *Davidson, Gladys R.* The Minor Objects // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII.
29. Яшаева Т. Ю. Отчет о раскопках пещерного монастырского комплекса в Сарандинакиной балке в 1996 г. // Архив НЗХТ. Д. 3304.
30. Мейендорф И. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
31. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995.
32. Кабанец Е. П. О семантике слова "лавра" в восточно-европейской агиографии // Христианское наследие Византии и Руси. Сборник материалов II Междунар. конф. «Церковная археология: изучение, реставрация и сохранение христианских древностей» (Севастополь, 2002 г.). Симферополь, 2003.
33. Афонский патерик. Ч. I, II. М., 1897.
34. *Patrich J. Sabas, leader of Palestinian monasticism: comparative study in Eastern monasticism, fourth to seventh centuries.* Washington, Dumbarton Oaks, 1995.
35. Каждан А. П. Византийский монастырь XI-XII вв. как социальная группа // ВВ. 1971. Вып. 31.
36. Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. М., 1998.
37. Барабанов Н. Д. Киновиты и анахореты. Отношения в среде византийского монашества по памятникам агиографии // АДСВ. 1992. Вып. 26.
38. *Феодор Студит.* Творения. Т. 2. СПб., 1908.
39. Яшаева Т. Ю. О типах загородных монастырей средневекового Херсона на Гераклеийском полуострове // Междунар. конф. «Византия и Крым», Севастополь, 6-11 июня 1997 г. Тез. докл. Симферополь, 1997.
40. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven, 1986.
41. Мейендорф Иоанн. Духовное и культурное возрождение XIV в. и судьбы Восточной Европы // Православие и современный мир. Минск, 1995.
42. Соколов И. И. Состояние монашества в византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204). СПб., 2003.

Yashayeva T. Yu.

Late Byzantine Cave Lavra in Cherson

Summary

This paper analyses a complex of monastic caves located in the vicinity of Byzantine Cherson. The site was being excavated in 1994-1996 by the team from National Preserve of Tauric Chersonesos headed by the author of the given paper.

The monastery was carved in steep stone slopes of Sarandinaki ravine. It consisted of central three-tiered complex of caves and several separate cave rooms located at a distance from each other. One can distinguish three clusters within the main complex structure: liturgical, burial and memorial, and economic. Liturgical cluster is a church having three-part ground plan: chancel, naos, and narthex. It differs from other cave churches in Taurica because of variant orientation of chancel and naos, as well as wide use of barrel vaults and niches in architectural design. On the walls of the church and monastic rooms there are carved early Christian symbols: crosses, ships, letters alpha and omega, as well as tamga-like and runic signs of later period. Burial and memorial cluster of the complex included seven graves for secondary burials of bones, one more grave without mound, and a room with bench for burial service. Economic cluster consisted of a few cave rooms located in middle and lower tiers: big subterranean room with cistern, winery, refectory, and kitchen.

Labour activity of the monks in the monastery in Sarandinaki ravine was not on a grand scale; it was generally caused by daily wants. They cultivated grapes on the slopes of the ravine to make vine, surplus of which was probably exchanged for cereals. There is no data that the monks might practice some crafts like metalworking, bone-carving, or pottery-making. Ewers, pots, cups, bowls and other simple or glazed pottery was probably bought or exchanged. Pottery set from levelling bedding under the church and from fire layer allows one to suggest that the monastery was established not earlier than the mid-thirteenth century and it probably existed to the mid-fifteenth century. Apart from clarification of the time when the monastery was established, ceramic materials excavated in the monastic complex supply an extra chronological datum point to date other cult cave constructions in late Byzantine Taurica.

Internal organization of the monastic community in Sarandinaki ravine had every feature of lavra: single centre including church, refectory, kitchen, economic subterranean room with cistern, wine press, and isolated hesychasteria caves, which were parts of lavra structure. Lavra statute was popular among monks of Cherson in the fourteenth century because Palamism took the win in the eastern part of Christian world, as well as because of hesichastic ideas were penetrating to Cherson.

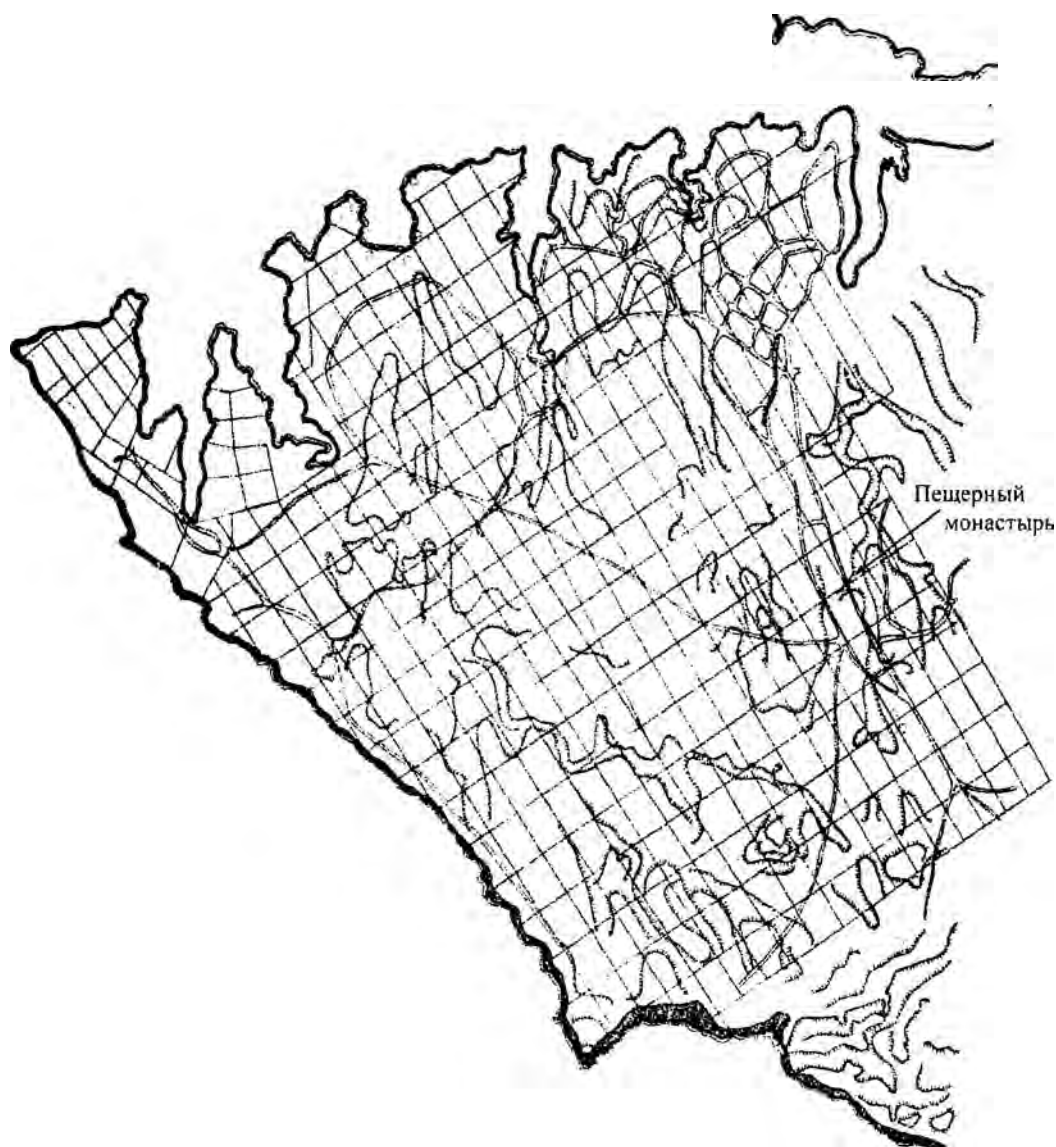

Рис. 1. Карта-схема Гераклеяского полуострова с обозначением местоположения пещерного монастыря в Сарандинакиной балке.

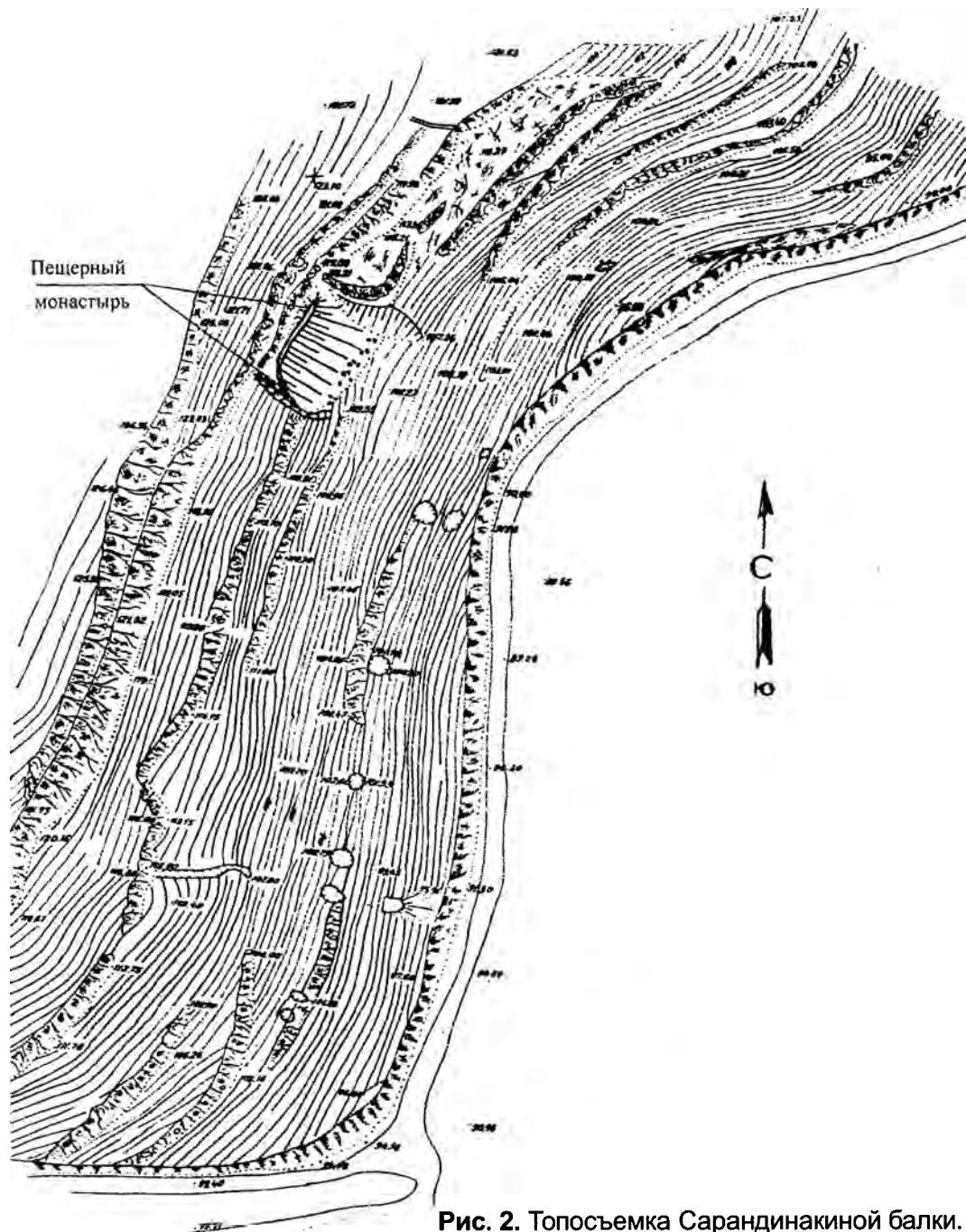

Рис. 2. Топоъемка Сарандинакиной балки.

Рис. 3. План пещерного комплекса. М 1:50.

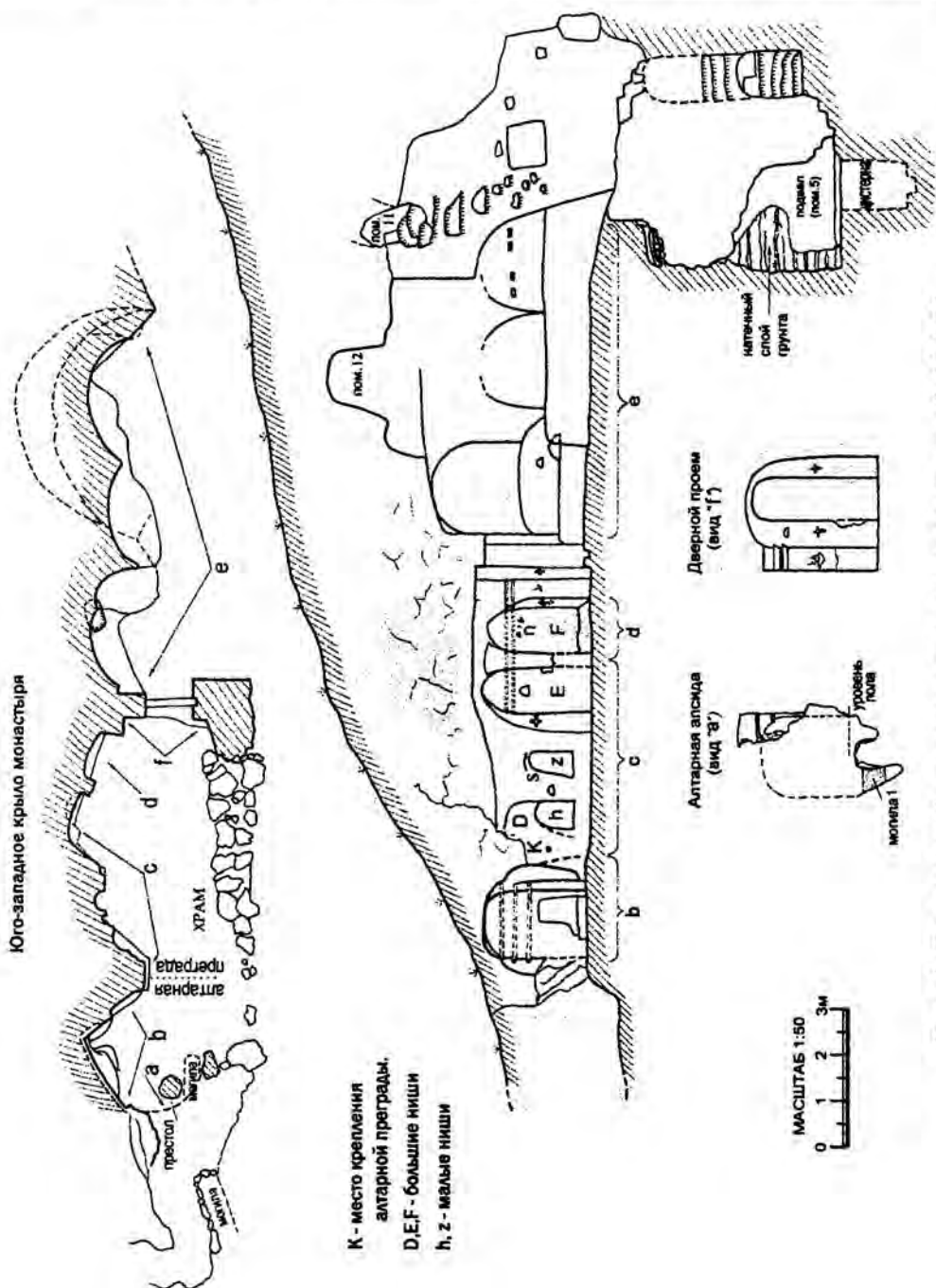

Рис. 4. Разрезы и фасировки пещерных помещений. М 1:50.

Рис. 5. Общий вид пещерного комплекса. Вид с востока.

Рис. 6. Основание престола в алтарной апсиде.

Рис. 7. Сохранившаяся верхняя часть конхи. Вид с севера.

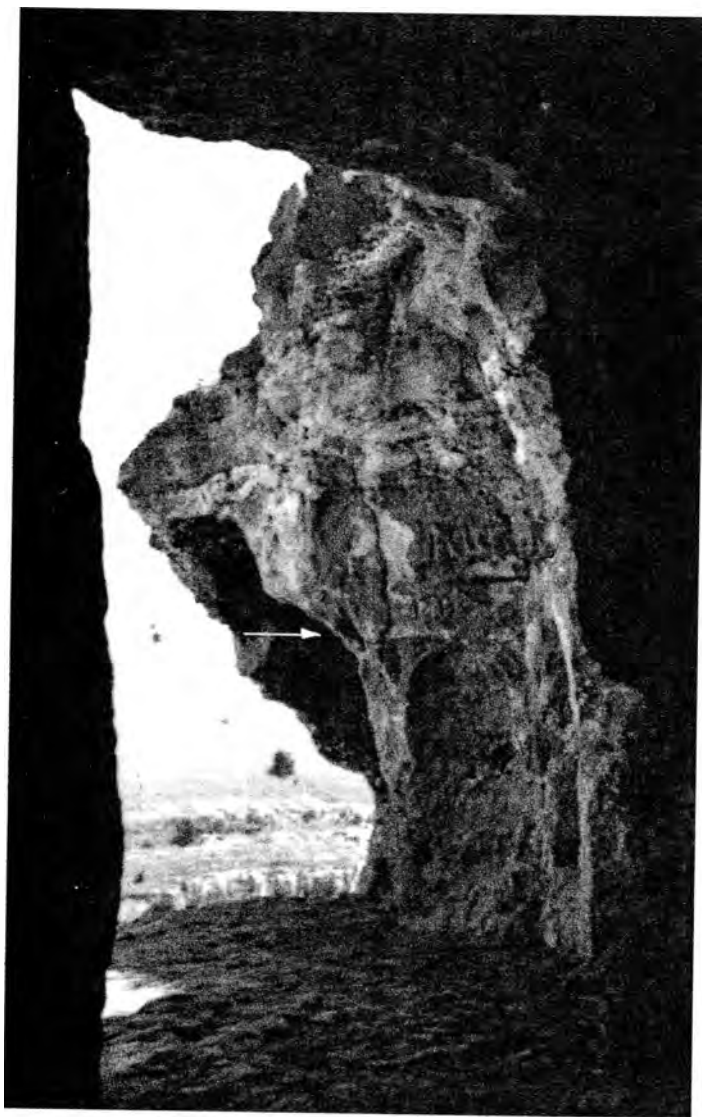

Рис. 8. Остатки арки над алтарной преградой.
Вид с севера через дверной проем.

Рис. 9. Ниши-костницы в юго-западной стене наоса.

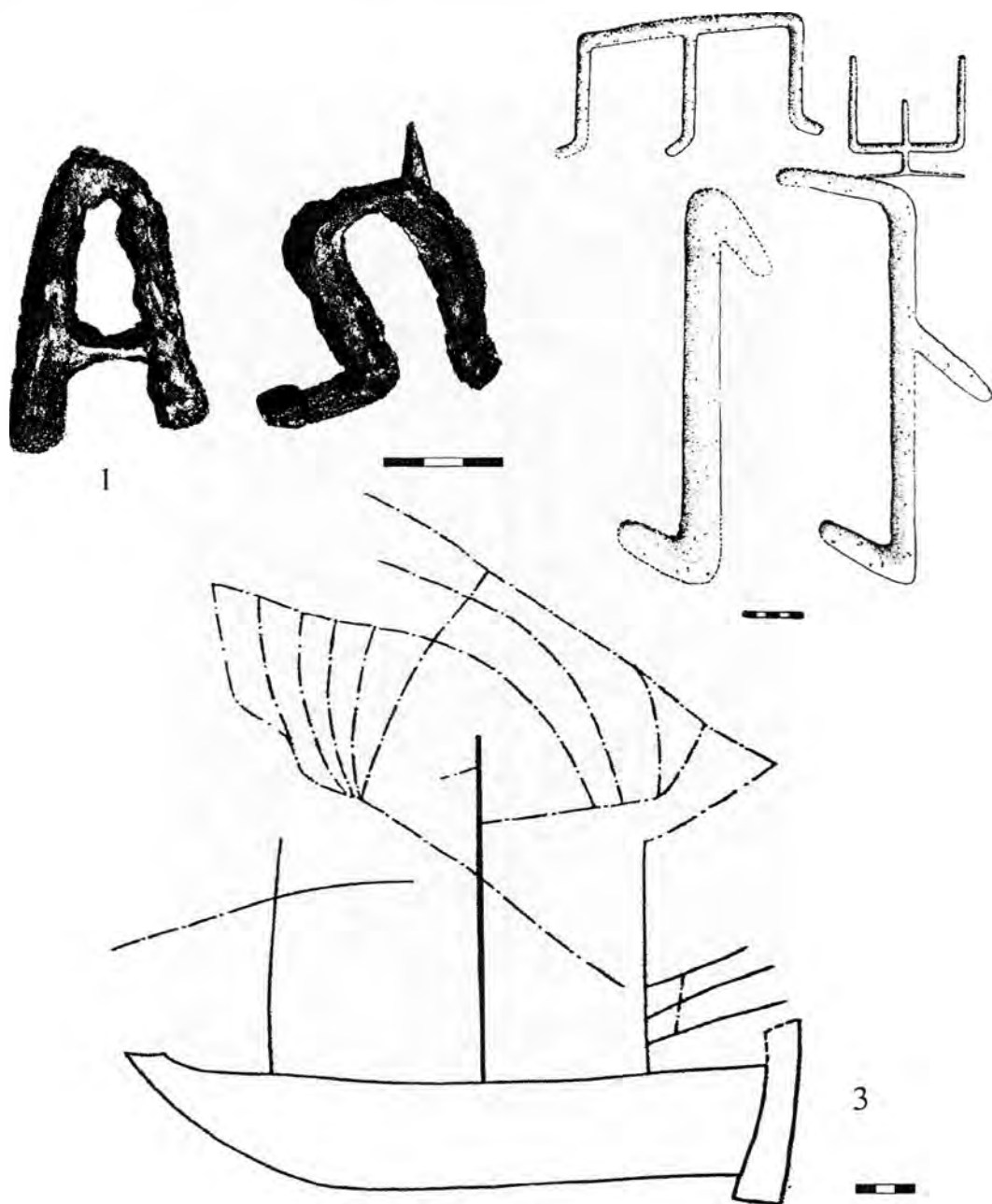

Рис. 10. Наскальные надписи и рисунки: 1 – буквы альфа и омега; 2 – тамгообразные и рунические знаки; 3 – изображение трехмачтового корабля.

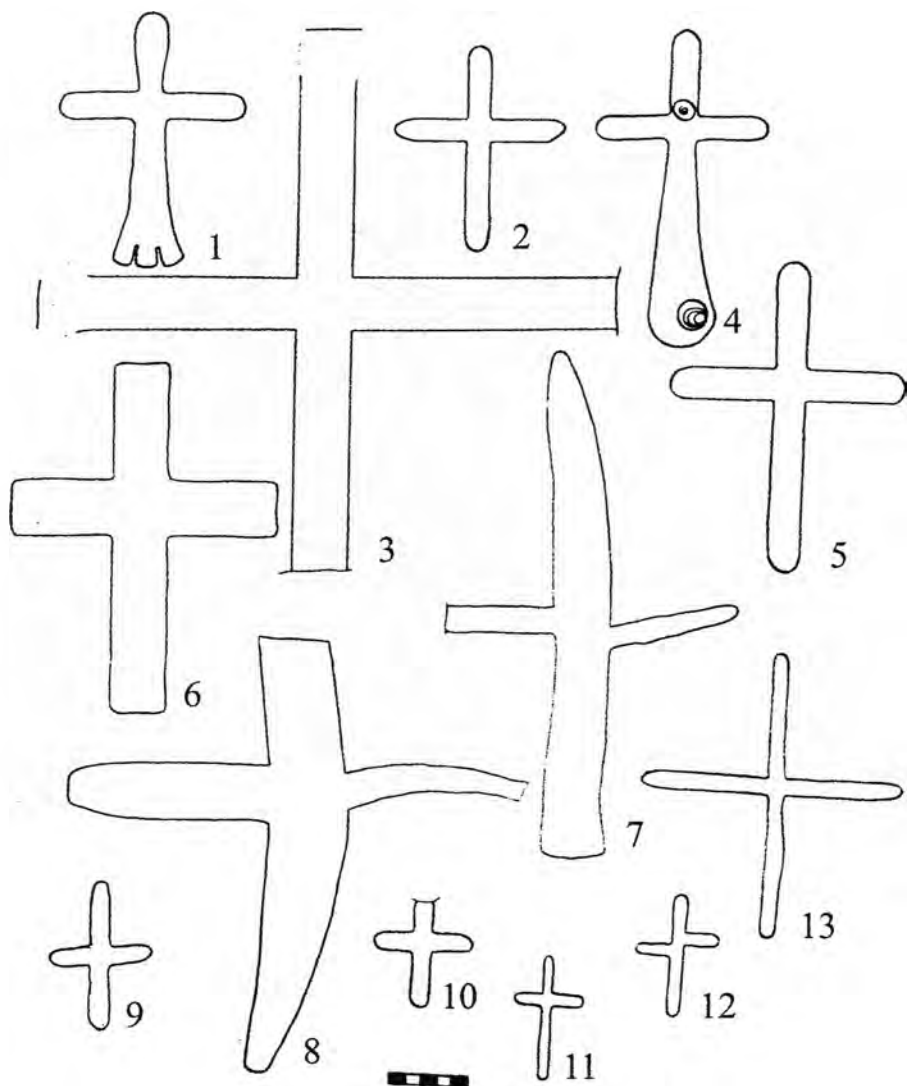

Рис. 11. Кресты, высеченные на стенах монастырского комплекса: 1, 4 – храм, у дверного проема; 3 – храм, ниша Е; 2, 5 – винодавильня; 6 – кухня; 7, 8 – трапезная; 9-13 – привратничьяя.

Рис. 12. Вход в храм. Вид с юго-востока. Справа кладка акведука XIX в.

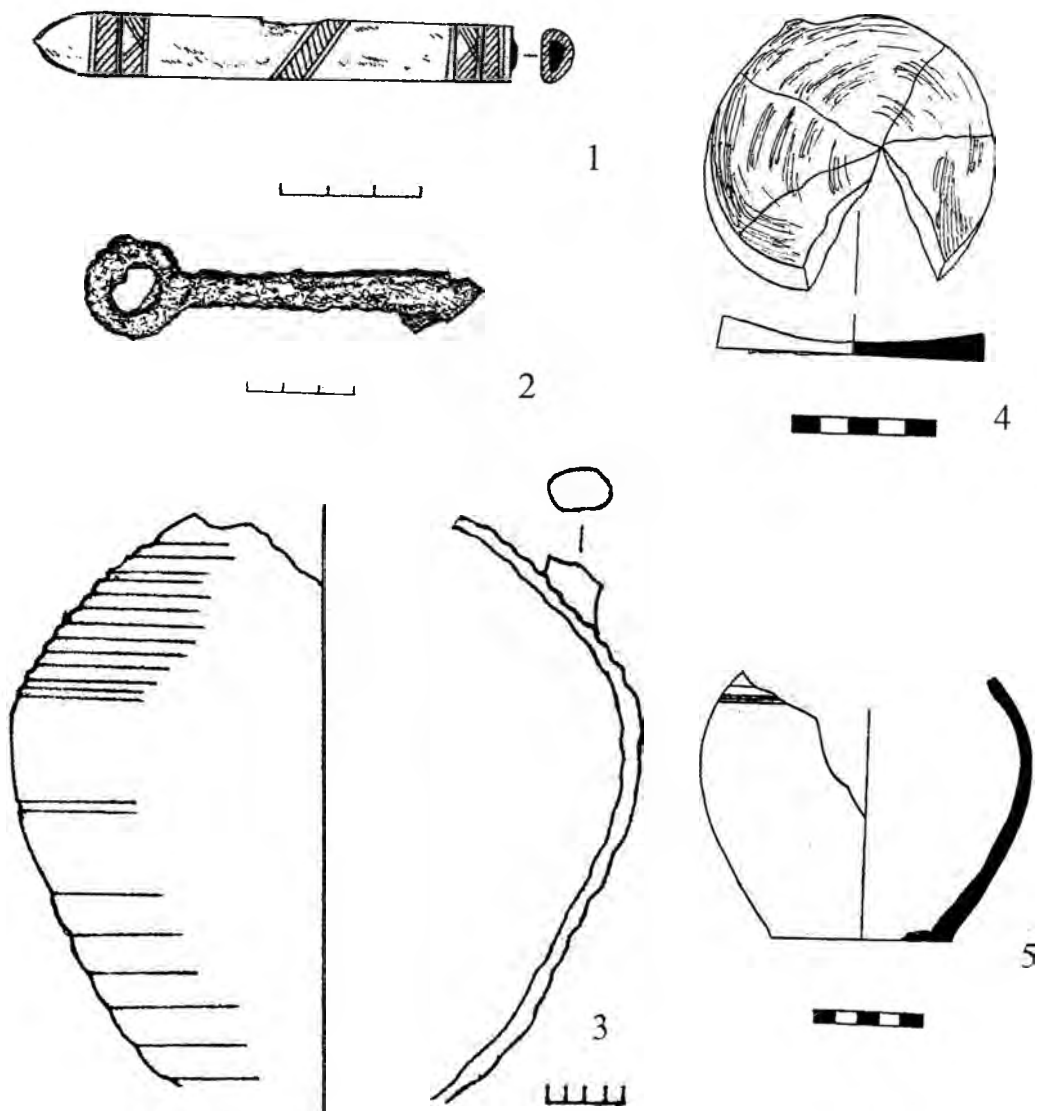

Рис. 13. Индивидуальные находки.

1 – костяная ручка ножа; 2 – ключ от дверей храма; 3 – амфора с высокоподнятыми ручками; 4 – диск в железной оправе; 5 – кухонный горшок.

Рис. 14. Экзонартекс. Вид с севера.

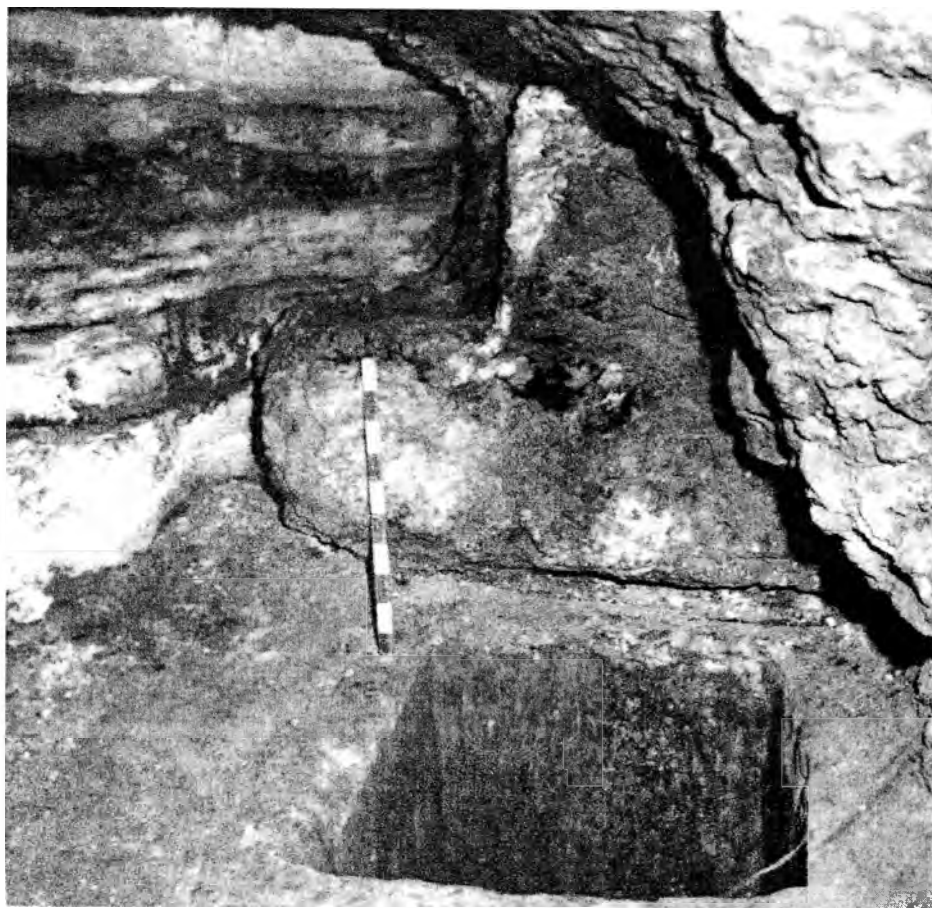

Рис. 15. Подвальное помещение 5 с цистерной.

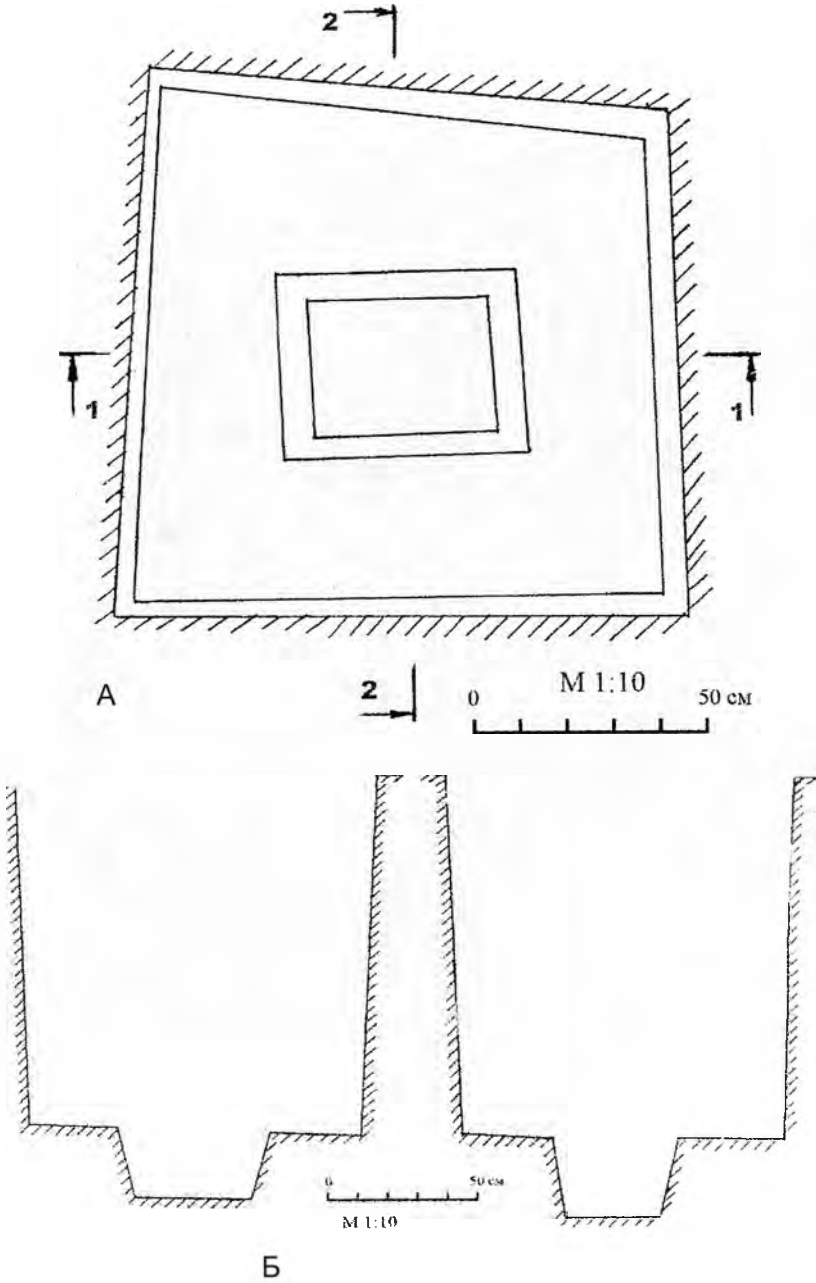

Рис. 16. Цистерна (А – план; Б – разрезы).

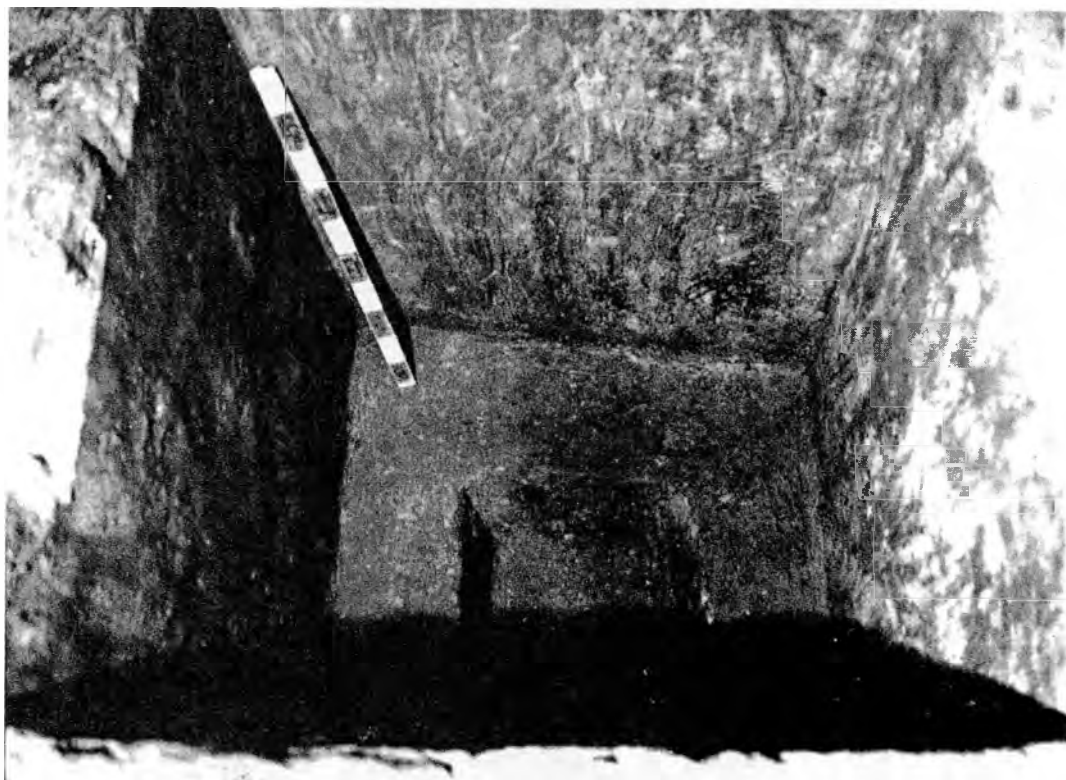

Рис. 17. Цистерна с отстойником. Вид сверху.

Рис. 18. Вид на трапезную с юга.

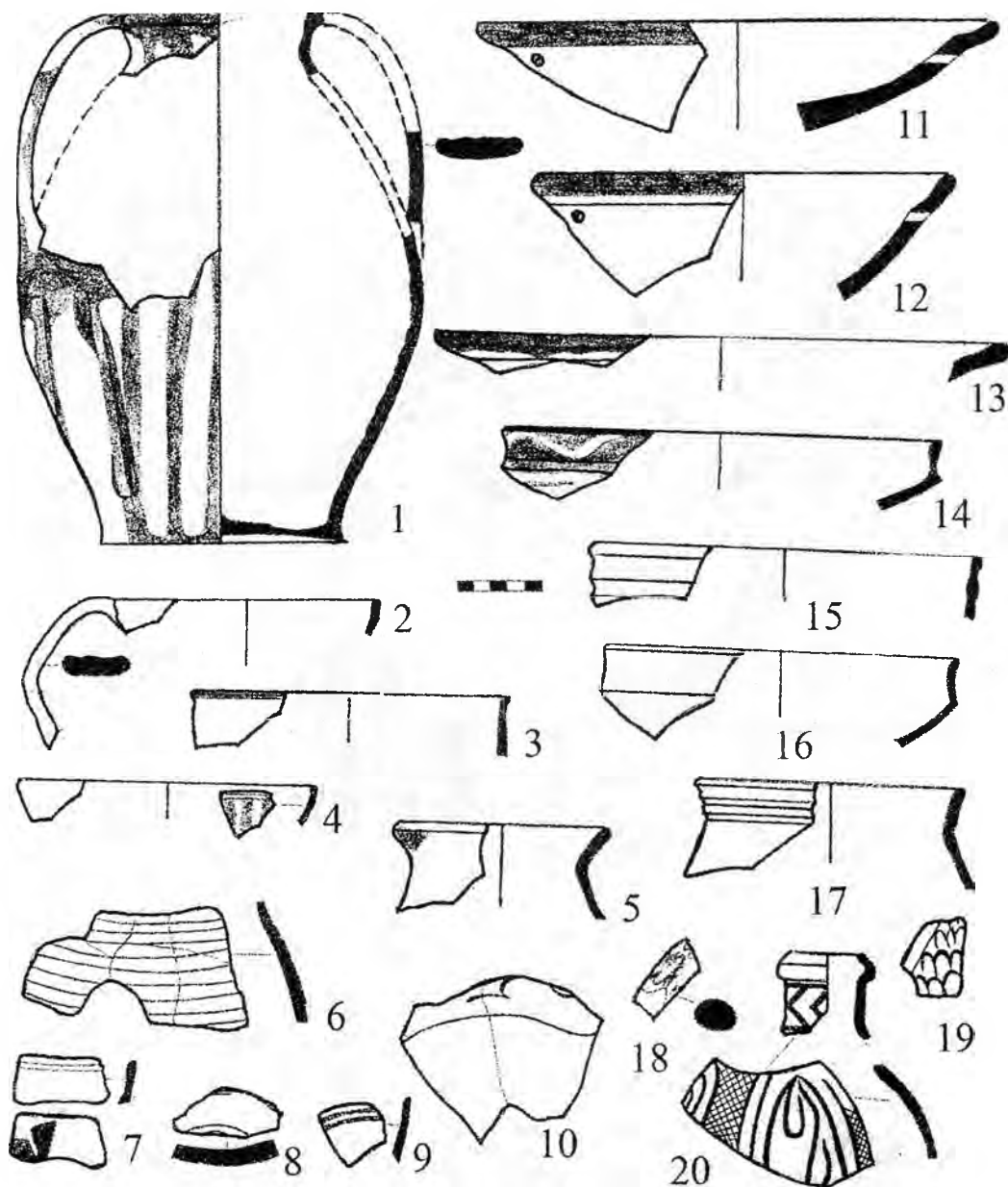

Рис. 19. Поливная керамика из раскопок трехъярусного пещерного комплекса.

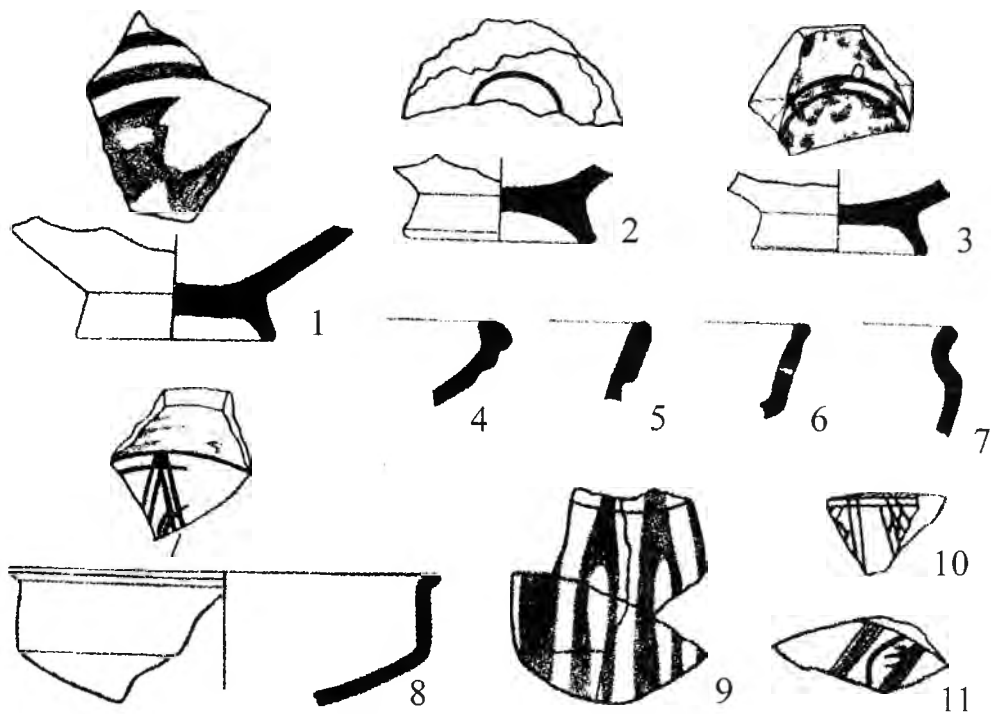

Рис. 20. Поливная керамика из раскопок трехъярусного пещерного комплекса.

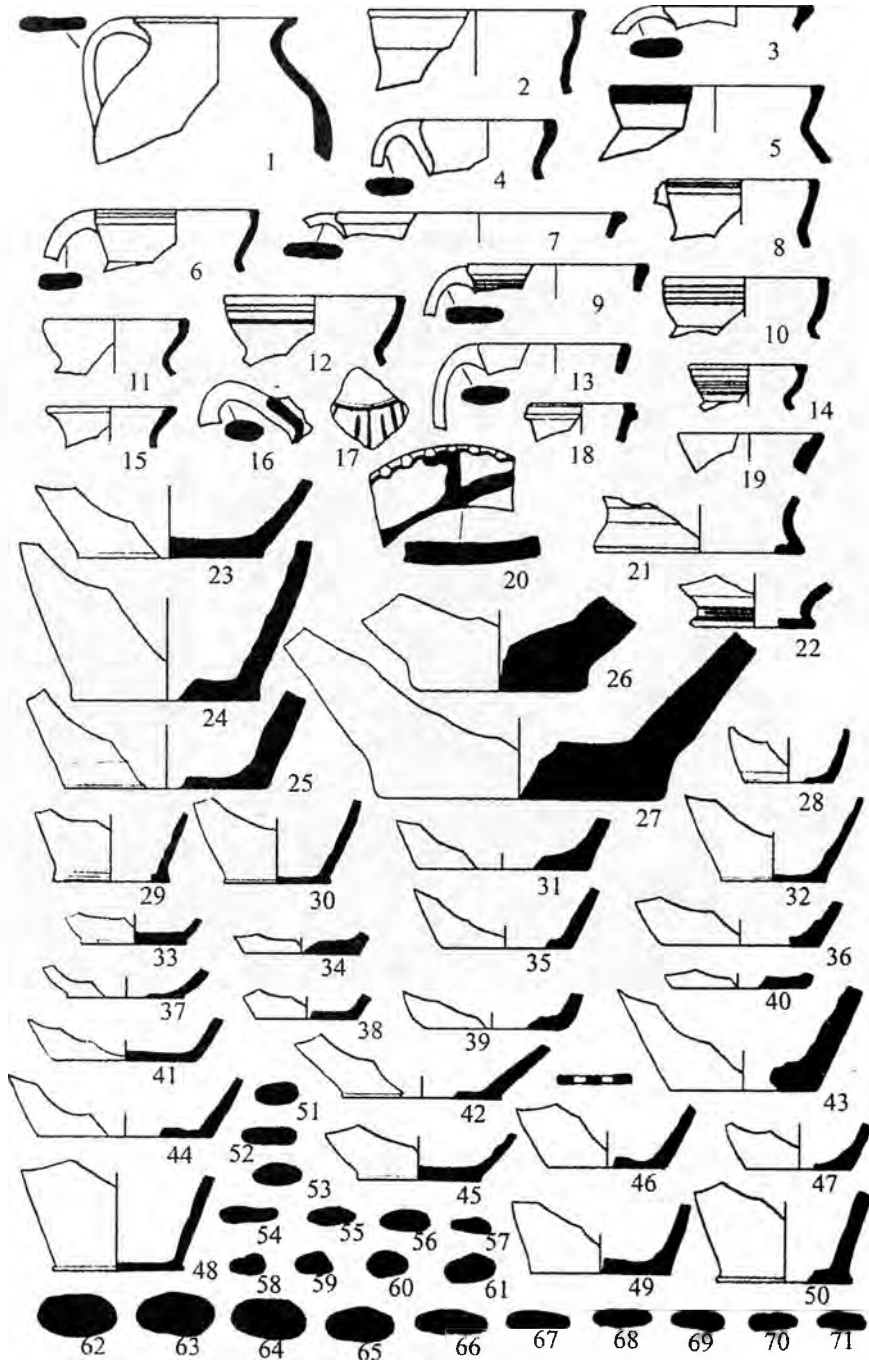

Рис. 21. Простая столовая и кухонная керамика из пещерного комплекса.

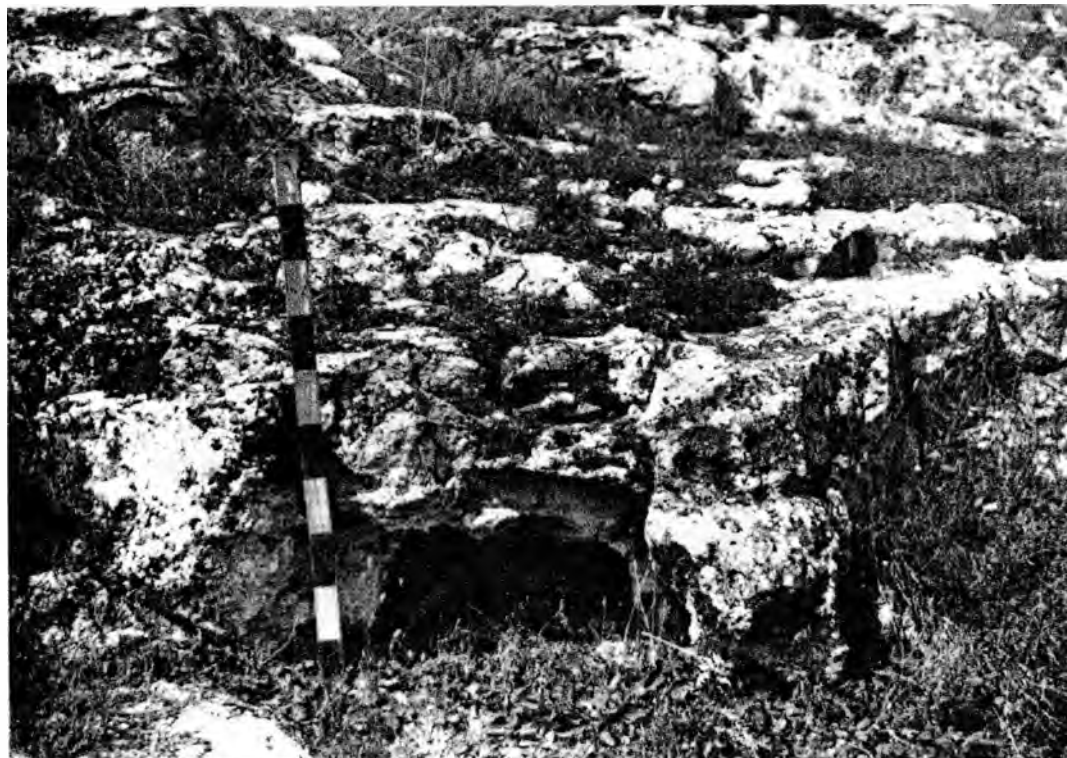

Рис. 22. Пещерная келья до начала раскопок.

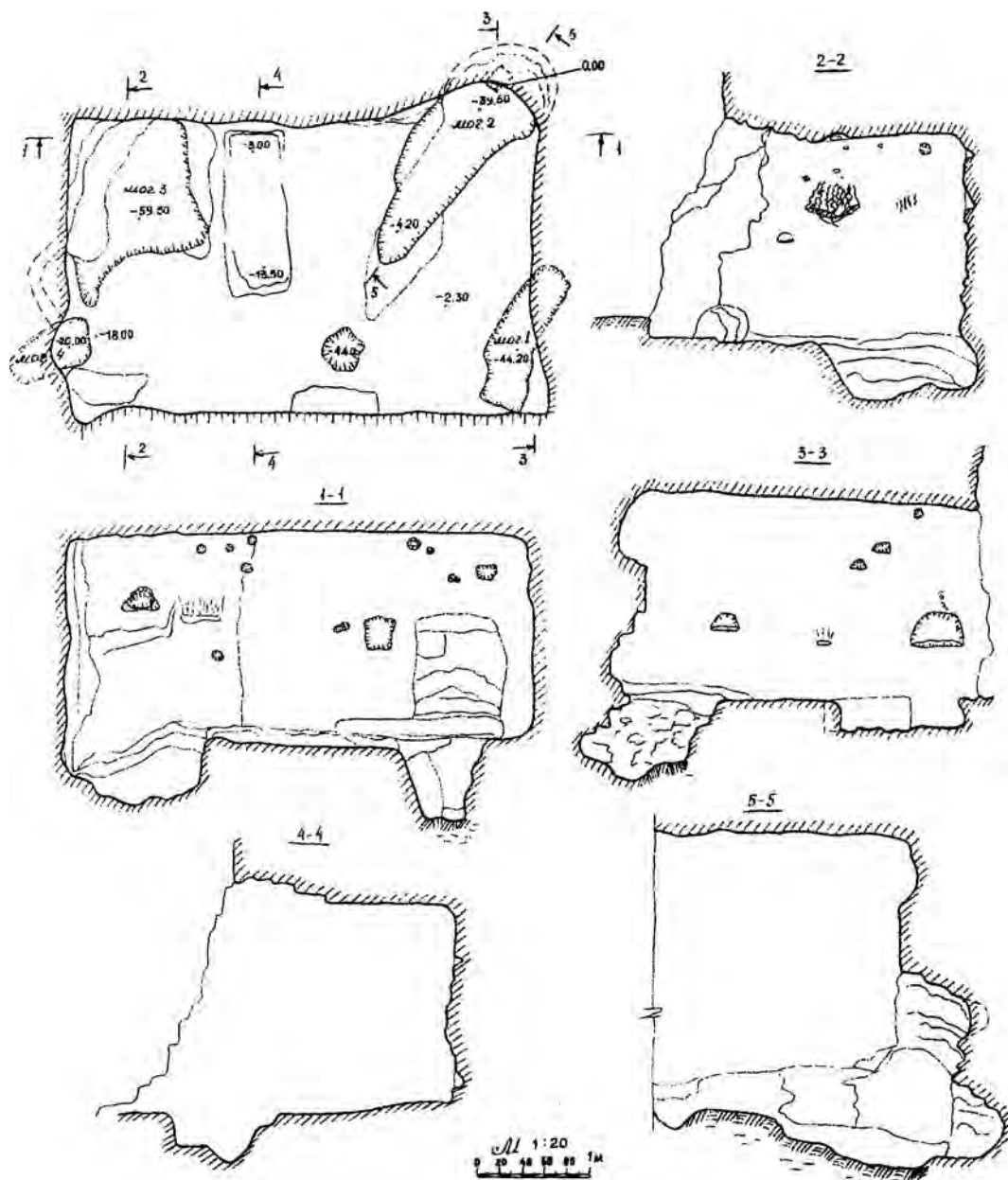

Рис. 23. Пещерная келья. План, разрезы.

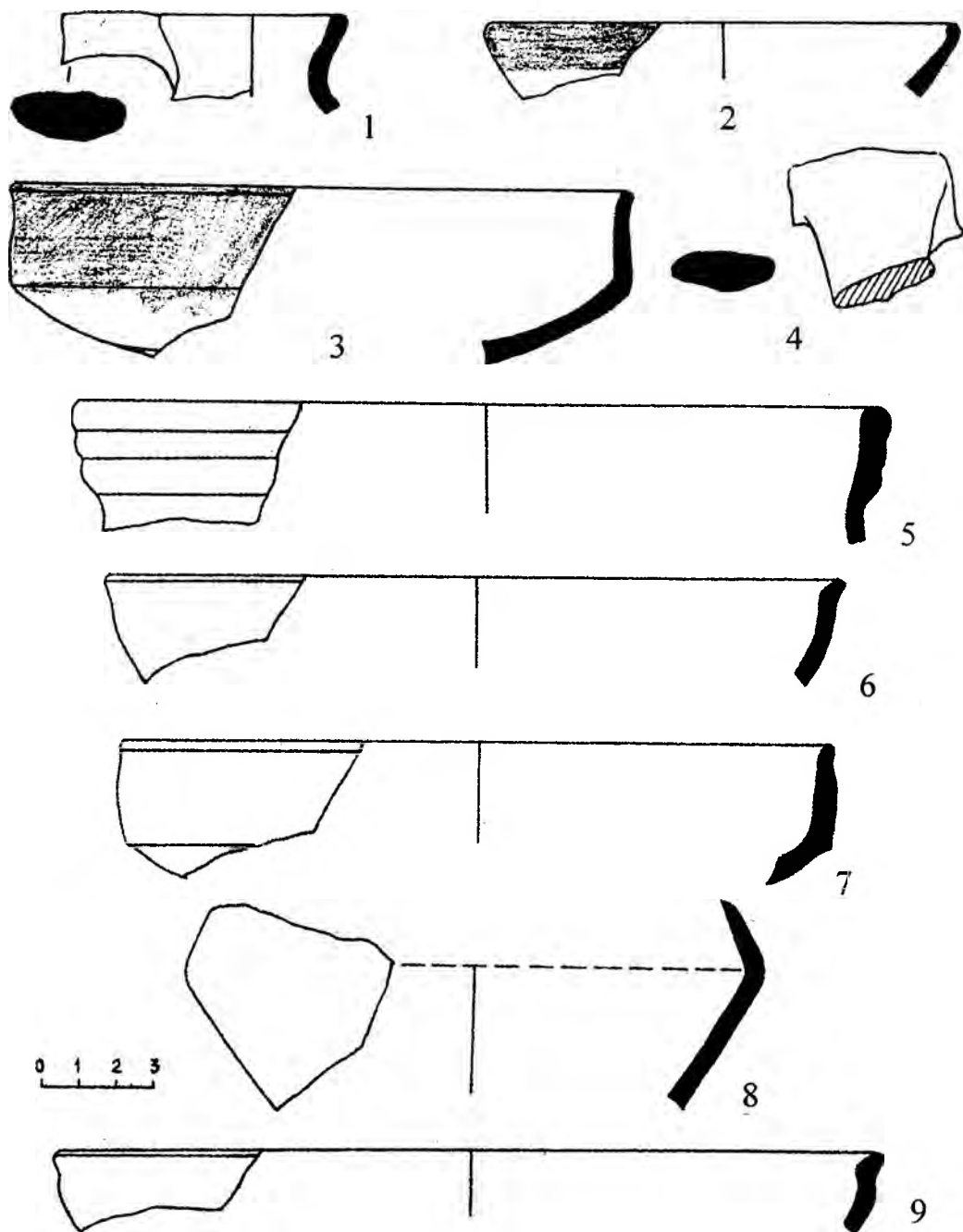

Рис. 24. Керамический материал из раскопок пещерной кельи.